

бобромъ. Шапка эта, по родственной связи, перешла въ домъ Федотовыхъ, зажиточныхъ въ то время уроженцевъ Петрозаводского уѣзда, и потомъ изъ рода Федотовыхъ досталась, также по родству, на память, того же уѣзда уроженцамъ Смирновымъ. Рѣдкость эта нынѣ представлена въ музей губернскаго статистического комитета.

О воеводѣ Синявинѣ предки наши оставили слѣдующій разсказъ, весьма не безъинтересный для каждого уроженца нашего сѣвернаго Олонецкаго края.

Императоръ Петръ Великій въ одинъ изъ проѣздовъ своихъ чрезъ Олонецъ остановился въ немъ на короткое время. Государя удивило, почему въ сосѣдній домъ такъ много стекается народа. На вопросъ монарха объ этомъ, ему сказали, что тутъ живетъ воевода Синявинъ. Государь поинтересовался видѣть воеводу и осмотрѣть его канцелярію. По приходѣ къ воеводѣ монархъ предложилъ ему показать дѣла по судебнай части, на что Синявинъ отвѣтилъ, что дѣль по этой части у него не имѣется, такъ какъ дѣла подобнаго рода онъ всегда оканчиваетъ миромъ. Отвѣтъ этотъ очень понравился государю, и Петръ I сказалъ воеводѣ: „Я беру тебя въ Петербургъ, гдѣ ты будешь мирить у меня не простыхъ мужиковъ, а повыше ихъ тузовъ — моихъ сенаторовъ и другихъ высшихъ чиновъ“.

Исторически известно, что, будучи въ столицѣ, этотъ почтенный воевода имѣлъ большой успѣхъ въ примиреніи, особенно между знатными вельможами, между коими бывали частые споры и раздоры¹⁾.

Случай охоты на медвѣдя въ Повѣнѣцкой Кореліи.

(Письмо въ редакцію „Олонец. Губ. Вѣд.“)

I.

На самой сѣверо-западной окраинѣ Повѣнѣцкаго уѣзда, въ Ребольской волости, верстахъ въ двадцати отъ деревни Короппи и Колвозеро, во время рубки бревенъ — это было въ первыхъ числахъ февраля — крестьяне возили изъ одного бора вырубленный лѣсъ. Дорога пролегала мимо одного бурею поваленного дерева, такъ близко, что зачастую дровни задѣвали за торчащіе его корни. Когда въ прямомъ направленіи съ того бора начала оканчиваться возка рубленаго лѣса, то одному молодому парню — корелу деревни Колвозеро — нужно было проложить дорогу прямо отъ старой дороги

¹⁾ У Голикова (т. XV, стр. 179) записанъ этотъ анекдотъ, слышанный отъ олонецкаго купца Барсукова, но безъ описанія фамиліи воеводы, которую забылъ записать слышавшій разсказъ.

въ уголъ бора, гдѣ отпомъ его было свалено нѣсколько десятковъ деревъ. Чтобы не объѣзжать лишней версты по старымъ слѣдамъ, нашъ парень началъ заворачивать лошадь въ сторону у вышеупомянутаго корня поваленного дерева. Доселъ его лошаденка была послушная,—куда онъ ни направить, ни заворотить, она шла, а тутъ почему-то заупрямилась: встаетъ на дыбы, да и только. Онъ стегаетъ ее кнутомъ, но бѣдная лошадь бьется, фыркаетъ и все-таки неайдеть. Такъ какъ у здѣшнихъ жителей суевѣрные предразсудки еще не вывелись и въ большомъ ходу, то парень и подумалъ: не лѣсовикъ ли подшутилъ? Онъ дѣлаетъ крестное знаменіе, творить молитву, обходить кругомъ лошади нѣсколько разъ, опять начинаетъ гнать, а лошаденка все неайдеть, прядеть ушами и встаетъ на дыбы. Наконецъ, изъ многократныхъ обходовъ кругомъ лошади,—то съ молитвою, то съ чародѣйствующею силою,—нашъ парень замѣтилъ подъ корнемъ сваленного дерева что-то черное. Ему и въ голову не приходитъ мысль, что тутъ опочиваетъ шестимѣсячнымъ сномъ хозяинъ этихъ лѣсовъ — медвѣдь. Тѣмъ болѣе ему это представляется невѣроятнымъ, что въ этомъ же бору цѣлыхъ двѣ недѣли рубили и возили лѣсъ болѣе чѣмъ на десяти лошадяхъ; если бы медвѣдь тутъ и былъ, то при шумѣ и трескѣ давно бы ушелъ. Но парню все-таки хо-

чется удостовѣриться, что бы это было такое, представляющеся его глазамъ на днѣ углубленія—черное? Онъ береть съ дровней два анштуга, кладеть на сѣтъ, туда, поближе къ черному, которое подъ стволомъ дерева, у самаго корня, видится ему, и самъ начинаетъ ползти грудью по анштугамъ; подвинувшись ближе, онъ запускаетъ подъ корни голую руку и щупаетъ: что бы это было такое? По осязанію чувствуетъ — что-то мохнатое. Послѣ пятится, встаетъ и смотрить, и все еще ему невдомѣкъ, что тутъ лежитъ медвѣдь. Онъ еще поползъ второй разъ, запускаетъ опять руку, щупаетъ и глядить. Наконецъ, онъ удостовѣряется что это спина медвѣдя. Встаетъ, поспѣшно идетъ на другой конецъ бора, втихомолку разскажываетъ двумъ своимъ соѣдямъ, также молодымъ парнямъ, что онъ нашелъ медвѣжью берлогу у самой дороги. „Идемъ, ребята, убьемъ медвѣда“. Вотъ они и пошли втроемъ: у одного анштуга, а у двухъ по топору. Пришли къ тому мѣсту, смотрѣть — дѣйствительно, это должно быть медвѣдь. Тутъ они давай шумѣть, кричать надъ берлогою, бить обухами топора по стоящимъ деревамъ, чтобы медвѣдь поднялся съ ними въ открытый бой. Но медвѣдь спить себѣ, ни малѣйшаго вниманія не обращая на ихъ шумъ. Опять на смѣльчаковъ на всѣхъ нападаетъ сомнѣніе: можетъ быть, это и не медвѣдь? Вырубивъ длинную

жердь, наши ребята одинъ конецъ жерди впихали въ яму, подъ бокъ медвѣдя, сами на другомъ концѣ начали скакать, т. е. устроили въ родѣ отвѣса, чтобы поднять звѣря съ логовища — хоть сонного. Недолго пришлось имъ трудиться: Мишка наконецъ почувствовалъ, что съ нимъ обращаются до такой степени неприлично, что даже его выводятъ изъ терпѣнія. Онъ изъ опочивальни бросается прямо на своихъ враговъ — нарушителей его сладкаго, спокойнаго сна; одного схватилъ за плечо, такъ что изорвалъ кафтанъ¹⁾, шубу и рубашонку и немного царапнулъ кожицы; потомъ,бросившись на другого, схватилъ его пониже колѣна за ногу, рветъ голенище сапога, чулокъ, порты, даже часть кожи и мяса. Въ этотъ самый моментъ первый изъ нападающихъ, высвободившись изъ-подъ снѣга и почувствовавъ, что медвѣдь въ самомъ дѣлѣ болѣо царапнулъ его плечо, хватилъ по мордѣ медвѣдя топоромъ такъ сильно, что вышибъ у медвѣдя самый главный зубъ²⁾. Медвѣдь, какъ современный цивилизованный дуэлистъ, видя, что обѣ стороны ранены до крови, значитъ и довольно драться, оставилъ своихъ враговъ въ покой и побрелъ въ лѣсъ. Парни, въ свою очередь, испытавъ свою

¹⁾ Къ счастію, у корельскихъ крестьянъ домашнаго тканья сукно чрезвычайно толстое, въ налѣцъ толщины.

²⁾ Послѣ, когда убили звѣря, замѣтили это.

силу, не нашли нужнымъ болѣе состязаться. Какъ говорится: „Филать тому и радъ“ — такъ и наши бойцы тому были рады, что медвѣдь ихъ оставилъ въ покой. Они, дай Богъ ноги, пустились бѣжать туда, откуда пришли. Потомъ между собою уговорились, чтобы никому не говорить о такомъ срамѣ, что медвѣдь ихъ побѣдилъ и что они дали тягу.

Вечеромъ пришли въ станъ, но, безъ сомнѣнія, не могли скрыть медвѣдемъ накусанныхъ ранъ, особенно въ ногѣ, да также и разорванной одежды. Взяли, да точь въ точь все и пересказали. Тутъ случился одинъ изъ смотряковъ, крестьянинъ Ребольскаго погоста, Тергѣевъ. Выслушавъ разсказъ и ничего не говоря, втихомолку, послать онъ ночью человѣка за 20 верстъ въ деревню за двумя винтовками. На другой день, съ другими смотряками, вчетверомъ, пошли по слѣдамъ и верстахъ въ 6-ти отъ того мѣста нашли медвѣдя запрятавшимся подъ корнемъ низкосучной ели. Между частыми сучьями трудно было различить, въ какомъ положеніи находится Мишка, гдѣ голова и гдѣ остальная часть его мохнатой шкуры. Смотрякъ Тергѣевъ послѣ тщетныхъ усилий разглядѣть звѣря хорошо, поставивъ дуло винтовки между сучьями, дѣлаетъ выстрѣль наугадъ. Выстрѣль грянуль, а медвѣдь не трогается. Тергѣевъ беретъ рогатину и между сучьями щекочеть бока Мишки. Мишка

это очень не понравилось: онъ выскочилъ изъ-подъ защиты сучьевъ, хотѣль броситься на Тергѣева, но тотъ опередилъ его, схвативъ у товарища другую заряженную винтовку, спустилъ пулю—въ самое сердце. Мишка повалился—и больше не вставалъ, только немного поднялъ голову и оглянулся кругомъ, въ знакъ послѣдняго прощанія со своими родными дремучими лѣсами.

Другой случай охоты на медвѣдя.

(Въ границахъ Финляндіи.)

Почти подобная сцена охоты на медвѣдя, но только въ другомъ родѣ, происходила на границѣ Финляндіи, въ какихъ нибудь верстахъ 50 отъ вышеописанного мѣста. Года три назадъ, одному финляндскому домовитому крестьянину пришлось по какимъ-то хозяйственнымъ потребностямъ вояжировать въ лѣсу довольно далеко отъ дома. Это было также среди зимы. Когда онъ возвращался домой по болѣе низменной мѣстности, то замѣтилъ на пути также вѣтромъ поваленное дерево съ большими корнемъ. Большие снѣга обыкновенно покрываютъ отовсюду здѣшнія лѣсныя захолустья болѣе чѣмъ двухъ-аршиннымъ слоемъ. Но на грѣхъ

или, такъ сказать, для возбужденія воображенія, нужно было случиться, что крестьянинъ, проходя мимо корня свалившагося дерева, увидѣлъ, что не все тутъ покрыто снѣжной пеленой, а есть замѣтное отверстіе у самого корня. Шылкому воображенію его моментально представилось, что тутъ медвѣжья берлога; онъ издали устремляетъ взоръ чрезъ небольшое отверстіе въ полутора-саженную глубину воображаемаго логовища и, твердо заключивъ, что видитъ спящаго медвѣдя, по обширности пространства между устьемъ и дномъ берлоги приходитъ къ убѣждѣнію, что тамъ навѣрно былъ не одинъ звѣрюга. Тогда, не теряя присутствія духа, онъ заговорилъ это мѣсто, чтобы никто его не замѣтилъ (мужичокъ напѣ смекать кое-что и въ чародѣйской наукѣ) и поспѣшилъ домой, да все оглядываясь назадъ, не поднялись ли звѣри и не погнались ли за нимъ или не разбрелись ли по лѣсу. Прибывъ домой, онъ поторопился разсказать своей женѣ, что нашелъ кладъ. Та отъ радости чуть въ обморокъ не упала. „Рассказывай же скорѣе, гдѣ кладъ и какой кладъ?“—„Я нашелъ медвѣжью берлогу, гдѣ по крайней мѣрѣ три медвѣдя, а можетъ быть и больше“. Жена и голову повѣсила: „Какой же это кладъ!“—„Какъ какой кладъ?“ отвѣчаетъ мужъ:— положимъ, хоть три медвѣдя; убъемъ ихъ, такъ земство заплатить за истребленіе хищнаго звѣра, мед-4*ство